

Литература

1. Кокышев Л.В. Адалар тужелет (Снятся отцы). – Горно-Алтайск, 1972. – С. 126.
2. Кокышев Л.В. Стихи. – М.: Советский писатель, 1958. – 86 с.
3. Кокышев Л.В. Стихи. – М.: Современник, 1977. – 63 с.
4. Фоняков И.О. Несколько слов о поэзии Горного Алтая, о переводах ее на русский язык и об искусстве поэтического перевода вообще. // Высокая радуга. Сборник стихов в переводе И. Фонякова. – Горно-Алтайск, –1971. – С. 208-211.

Ларионова Евгения Ивановна,

*к. филол. н., доцент кафедры восточных языков,
Дипломатическая Академия МИД России,
г. Москва
e-mail: haziiran@mail.ru*

УДК 81'225.4

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ А. УМИТА «ШКАТУЛКА СКАЗОК» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

TRANSLATION'S PROBLEMS OF THE A. UMIT'S FAIRY TALE "BOX OF FAIRY TALES" IN RUSSIAN LANGUAGE.

Аннотация. В статье на примере перевода сказочной повести А. Умита «Шкатулка сказок» на русский язык показано, каким образом некоторые безэквивалентные элементы турецкой и – шире – восточной сказочной поэтики могут ретранслироваться в русскую культурно-языковую действительность с учетом не только стилистического и смыслового анализа оригинала, но и предшествующей переводческой традиции.

Ключевые слова: турецкая Литература; художественный перевод; национально-культурная информация; сказочная повесть; литературная сказка; безэквивалентная лексика; переводоведение

Abstract. The article is devoted to the problem of translation of A. Umit's «Fairytale within the Fairytale» book from Turkish to Russian language and shows how some culture-specific elements of the story may be interpreted into Russian taking into account not only stylistic and semantic analysis of the origin but also the previous translating tradition of the Turkish – and wider – the Middle Eastern fairy-tales.

Keywords: Turkish Literature; national and cultural information; the art of translation; literary translation; literary fairy-tale; culture-specific elements; Interpretation and Translation Studies

Художественная Литература представляет собой, пожалуй, наиболее сложный объект для перевода: любому произведению присуща особая образность, обусловленная национальной и исторической окраской, индивидуальным стилем писателя, жанром самого произведения и т.п. Многоплановая и сложная структура художественного текста естественным образом вызывает целый ряд трудностей при ретрансляции его в иную культурно-языковую действительность. В ходе «воссоздания» уже однажды созданного текста переводчик – своеобразный межкультурный «медиатор», призванный передать опыт от одной культуры к другой, – «... должен не только понимать, но и «чувствовать» оригинал: его стиль, ритм, художественное своеобразие, связь с литературной и культурной традицией...» [7, с. 185]. Для адекватной передачи авторского замысла на другой язык переводчику требуется предварительно провести смысловой и стилистический анализ оригинала.

Особую значимость фактор адекватности (понятие и термин введены В.Н. Комиссаровым) [5, с. 306] приобретает при переводе сказок, поскольку они рассчитаны в большей степени на детскую (или двуадресную, т.е. детскую и взрослую одновременно) аудиторию и требуют максимальной ясности восприятия как в плане содержания, так и в плане выражения.

Предметом рассмотрения в данной статье являются проблемы адекватности перевода на русский язык сказочной повести современного турецкого писателя Ахмета Умита (род. 1960) «Шкатулка сказок» (1995) [2], которая пользуется большой популярностью как в самой Турции, так и за ее пределами. Книга выдержала более десяти изданий, входит в школьную программу по турецкой литературе, переведена на несколько иностранных языков: корейский, английский и русский [18].

В центре повести – история доброго, но хвастливого Падшаха, который вместе со своим Визирем отправляется в длинное путешествие по разным странам, в ходе которого встречается с людьми разных профессий – Шапочником, Муэдзином, Кузнецом, Ювелиром и Слепым караванщиком, чтобы выслушать их удивительные

истории. Повидав свет, Падишах познает истинное предназначение человека – проявлять милосердие к окружающим, уметь прощать, бескорыстно совершать добрые поступки во имя других. Став мудрее, Падишах приносит благоденствие и в свою страну. К характерным чертам «Шкатулки сказок» можно отнести занимательный сюжет; тесное переплетение реального и фантастического планов повествования; яркие картины городской жизни, стилизованные под средневековый Восток; увлекательные описания удивительных мест, в которые попадают герои; психологическую оправданность характеров и ситуаций; ясную и определенную мораль.

Речевое строение повести «Шкатулка сказок» созвучно интонации современной турецкой устной речи, стиль повествования можно назвать довольно нейтральным, относительно легким для перевода. Наибольшие трудности при переводе данной сказочной повести на русский язык вызывают такие элементы, как заглавие, сказочные реалии, клишированные формулы.

Заглавие художественного произведения обладает уникальными особенностями: представляя собой некий «авторский код» и своеобразный ориентир для читателя, оно нацелено на читательскую компетенцию и творческий подход к прочтению книги. Автор и читатель могут общаться напрямую посредством заглавия в том случае, если они оба происходят из одной культурной среды. Однако при пересечении языковых границ, т.е. при переводе произведения на другой язык, возникают сложности с передачей заложенной в заглавии семантики, поскольку зачастую утрачивается связанный с заглавием ассоциативный ряд. В этом случае переводчик должен опереться на литературоведческий анализ текста, с одной стороны, и существующую традицию литературного перевода – с другой.

Сказочная повесть А. Умита в оригинале имеет название «Масал масал ичинде» (т.е. «сказка в сказке»). Повесть состоит из пяти отдельных рассказов, объединенных только общей рамкой – историей о путешествии Падишаха и Визиря. Дальнейший анализ показывает, что заглавие повести имеет не только внутреннюю связь с самим текстом, но также типологически соотносится с историями харуновского цикла «Тысячи и одной ночи», т.е. со сказками, посвященными халифу Харуну ар-Рашиду [14]. Параллели между сборником арабских сказок и турецкой повестью проявляются не столько в сюжете и отдельных мотивах, сколько на уровне композиции [6, с. 130]. Характерной чертой «Тысячи и одной ночи», как и многих других памятников средневековой повествовательной литературы арабов и персов, является рамочная структура, при которой ведущий сюжет охватывает группу второстепенных, объединяя все части в единое целое – в итоге формируется т.н. «обрамленная повесть» [3; с.4]. Апеллируя к данной повествовательной традиции, А. Умит сознательно выносит в заглавие своего произведения принцип его композиционного построения – «сказка в сказке». Такой заголовок вызывает у носителя турецкой культуры устойчивую ассоциацию с образцами арабо-персидской сказочной традиции, которая, «пустив корни» в турецкой словесности, воспринимается турками в том числе и как часть собственной художественной культуры. Тем не менее, автор сказочной повести как будто бы желает запутать читателя, «увести» его от прямых ассоциаций с ближневосточными сказками. С этой целью он предваряет повесть вступлением, где упоминает, что в основу книги легли сказки, услышанные автором лично в Газиантепе, городе на востоке Турции – малой родине писателя. Данное упоминание, очевидно, представляет собой литературную мистификацию – прием, широко представленный не только в западной литературе XVIII в., но и в современной литературе разных стран, когда авторы утверждают, что созданное ими произведение является, например, частью случайно обнаруженной рукописи и т.п. («Белая крепость» О. Памука и др.). А. Умит стремится максимально правдиво обосновать авторитет рассказчика, упоминая, что услышал сказку от собственной матери. Это согласуется с действительностью: турецкие фольклористы полагают, что при записи сказок в Турции именно женщины являются лучшими информантами, поскольку рассказывание сказок (масалджылык) как вид сказительского искусства было традиционно распространено здесь в женской среде и «переходило от матери к дочери» [1, 267].

Связь заглавия повести «Масал масал ичинде» с понятным для представителей турецкой культуры традиционно восточным типом композиционного построения утрачивается при переводе на русский язык. Возникает необходимость в подборе адекватного для русского читателя варианта. Одним из возможных стало заглавие «Сказка за сказкой», наиболее точно передающее структурные особенности обрамленной повести. Однако в русской культурной среде данное название в течение долгого времени было закреплено за детской телевизионной передачей: демонстрируемые в рамках программы сказки-спектакли вылетали из волшебного ларца, который ведущий программы – Петрушка – открывал в начале и закрывал в конце передачи. Представление о ларце сказок из упомянутой телепередачи в русском культурном поле вызывает устойчивые ассоциации со шкатулкой, ящики которой помещены один в другой, что находит подкрепление и в рассматриваемом турецком тексте: сюжет последней истории выстраивается вокруг сказочного атрибута – волшебной шкатулки, чудесный порошок из которой коренным образом меняет судьбу одного из героев. Таким образом, при переводе заглавия повести А. Умита на русский язык подлинная адекватность достигается путем отступления от подлинника.

Дальнейшие трудности связаны с переводом на русский язык реалий, встречающихся в «Шкатулке сказок». С одной стороны, сказка является универсальным жанром фольклора и литературы и, по меткому замечанию турецкого писателя Н. Хикмета, «...принадлежит всем народам, всем возрастам, людям любого культурного

уровня...» [15, с. 3]. С другой стороны, именно в сказке наиболее полно отражается национальная специфика. Перевод национально-культурной информации требует повышенного внимания к художественным особенностям рассматриваемого произведения. В случае с повестью А. Умита на первый план выходит тот факт, что она создана в русле средневековой сказочной традиции арабов – на прямую связь с «Тысячей и одной ночью» указывает главная, рамочная история (в обоих произведениях речь идет о переодетом халифе, который гуляет по городу вместе со своим везиром Джафаром, присутствуя при всевозможных занимательных происшествиях, смысл которых сначала непонятен им, но позже разъясняется самими участниками событий); отдельные мотивы (мотив влюбленности с первого взгляда из «Рассказа Шапочника»; мотив о поиске клада и сокровищниц, расположенных под землей или в волшебной горе/пещере из «Рассказа Слепого»; мотив путешествия героя на волшебной птице из «Рассказа Муэдзина» – все они издавна распространены в фольклоре и литературе народов Ближнего Востока); реалистичность при воссоздании атмосферы средневекового города (описания восточных базаров, лавок ремесленников на крытом рынке – бедестане; упоминания городской застройки ориентального типа, при которой крыши домов находятся на уровне дороги) и пр. Исходя из отечественного опыта художественного перевода восточных сказок на русский язык в повести А. Умита без эквивалентов были оставлены такие реалии ближневосточной образной поэтики, как джинн, муэдзин, караван-сарай, пери, шайтан, падишах и др. Подобные реалии являются непереводаемыми, поскольку маркируют произведение как часть корпуса текстов ближневосточной обрамленной повести. В соответствии с переводческой традицией все упомянутые реалии снабжены развернутыми комментариями-примечаниями, пущенными в постраничные сноски по ходу повествования. Единственная реалья, в отношении которой было сделано исключение, – это обозначение «визирь». В примечании к сказкам «Тысячи и одной ночи» известный переводчик и комментатор М. Салье делает следующее разъяснение: «Везирь (а не «визирь», как обычно выговаривается по-русски это слово) – титул первого министра арабских халифов, вошедший в употребление с приходом к власти династии Аббасидов (750 г.)...» [13, с. 449]. Тем не менее, в современном русском языке окончательно утвердилось не сказочное, а историческое написание данного слова [8; 9; 10], в связи с чем в «Шкатулке сказок» выбор пал именно на этот вариант.

Комментированию подвергаются также некоторые непонятные читателю реалии турецкой действительности, как, например, бытовой ритуал целования руки старшему. В тексте сказки он снабжен следующим комментарием: «Приник к его руке... – у мусульман жест выражения почтения по отношению к старшим или благодарности сопровождается поцелуем руки, которую потом целующий прикладывает ко лбу» [18, с. 36].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о переводе сказочных клишированных формул, при трансляции которых в оригинале автор остается исключительно в рамках турецкой сказительской традиции. Так, инициальную формулу размещения действия во времени, маркирующую повествование как небылицу, писатель заимствует у турецких сказочников: «Было – не было, давным-давно, когда решето было соломой, а в старой бане джинны дротики метали...» [18, с. 8]. Для убыстрения времени и перехода от одного сказочного эпизода к другому в повести также используются формулы турецкой народной сказки: «шли долго ли коротко ли», «тот день – этот день», «не будем затягивать» и т.п. Поскольку данные формулы составляют стилистические маркеры турецкой сказки, их эквивалентный перевод на русский язык невозможен, так как это приводит к утрате художественной уникальности текста. В связи с этим упомянутые сказочные клише переводятся, согласно существующей в отечественной туркологии традиции, дословно и снабжаются развернутым комментарием, как, например, в случае с упомянутой выше инициальной формулой: «... традиционная турецкая присказка «текерлеме», предшествующая сказке, по содержанию представляющая собой небылицу. Используется сказочником, чтобы ввести слушателя или читателя в вымышленный мир сказки, настроить на восприятие фантастического содержания» [18, с. 8].

Опора на «разъяснение», «толкование» приема, предполагающая введение комментария, уточняющих деталей, – вполне распространенная переводческая техника, находящая подкрепление и в более ранних по времени переводах турецких и восточных сказок на русский язык [11; 12; 15; 16; 17].

Практическая цель перевода турецкой сказочной повести на русский язык вызвала необходимость теоретического осмысления отдельных вопросов эквивалентности и адекватности передачи элементов турецкой и – шире – восточной сказочной поэтики на русский язык. Эквивалентность перевода оказывается недостижимой на уровне заглавия повести, некоторых реалий турецкой действительности, клишированных формул и пословиц – в этой связи при передаче на русский язык используются такие распространенные техники, как разъяснение и комментирование, а также опора на предшествующую переводческую традицию, что в совокупности позволяет достичь адекватности восприятия текста русским читателем.

Литература

1. Gökalp, Z. Makaleler / hazırlayan A. Çay.– Ankara, 1982.
2. Umit, A. Masal masal içinde. İst, 1995.
3. Гринцер П.А. Санскритская Литература первых веков н.э. // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1983-1994. Т. 2. – 1984. – С.

- 26-41.
4. Грязнова О. Б. Своеобразие жанровой природы восточной «обрамлённой повести» // Молодой ученый. — 2012. — №7. — С. 150-153.
  5. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: Учеб. пособие. — Москва: ЭТС, 2001. — 420 с.
  6. Ларионова Е.И. Современная турецкая литературная сказка: типология и эволюция жанра: диссертация ... к.ф.н. М., 2009.
  7. Натитник А.В. Творческое использование языка и его границы в переводе: диссертация ... к.ф.н. М., 2006.
  8. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. Речи / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. — Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1894.
  9. Толковый словарь иноязычных слов: Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. - М.: Рус. яз., 1998. — 846 с.
  10. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. - Москва: А ТЕМП, 2006. - 938 с.
  11. Турецкие сказки: сб./ пер. с тур. Н.А. Цветинович-Грюнберг, предисл. Н.К. Дмитриева). — 2-е изд. — М., 1967.
  12. Турецкие сказки / сост., пер. с тур., вступ. ст. и примеч. И.В. Стеблевой. — М., 1986.
  13. Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: В 8 т. Т. 1 / Перевод и комментарии М. Салье, под редакцией акад. И. Крачковского. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2007. — 480 с.
  14. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: В 8 т. Т. 4 / Перевод и комментарии М. Салье, под редакцией акад. И. Крачковского. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2007. — 576 с.
  15. Хикмет, Н. Влюбленное облако: сказки и миниатюры / пер. с тур., сост. Л. Н. Старостов. — М., 1964.
  16. Хикмет, Н. Собака лает — караван идет / пер., вступ. ст. и примеч. Л. Н. Старостова. — М., 1979.
  17. Кубачева В.Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. Сб. 5. М.; Л., 1962. — С. 295–315.
  18. Умит, А. Шкатулка сказок: [сказочная повесть]. — М. : Нигма, 2016. — 152 с.

Мугтасимова Гульназ Ринатовна,

*к. филол. н., доцент кафедры
общего и тюркского языкознания ИФМК КФУ
г. Казань, Татарстан, Россия
e-mail: Gulnaz-72@mail.ru*

УДК 800

ТАТАРСКИЕ И УЙГУРСКИЕ ПАРЕМИИ КАК ИСТОЧНИК ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

TATAR AND UYGHUR PAROEMIA AS A SOURCE OF ETHNOCULTURAL INFORMATION

Аннотация. В статье на примере татарских и уйгурских паремий анализируются универсальные и национально своеобразные свойства паремий, обусловленные внеязыковыми знаниями и представлениями о развитии общества, духовно-нравственными и этическими установками, актуальными для татар и уйгур.

Ключевые слова: татарские и уйгурские народы, национально-культурная специфика, язык, культура, традиционные ценности, паремии.

Abstract. The article on the example of the Uygur and Tatar paroemias are analyzed universal and national peculiar properties of paroemias, due to extralinguistic knowledge and ideas about the development of society, moral and ethical guidelines that are relevant to the Tatars and Uighurs.

Key words: Tatar and Uyghur peoples, national and cultural specifics, language, culture, traditional values, paroemia.

У каждого народа с давних времён в речевом обиходе наряду со словами и устойчивыми сочетаниями слов используются пословицы. Они привлекают говорящих своей семантической ёмкостью и способностью к